

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛИТВОЙ И ПОЛЬШЕЙ КОНЦА 1980-Х – 1990-Х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ВИЛЬНЮССКОГО КРАЯ И ПОЛОЖЕНИЯ ПОЛЬСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ЛИТВЕ

Светлана Червонная (Swietlana Czerwonnaja)

ABSTRACT

The article is devoted to the new historical investigations on the problem of the Lithuanian National Movement (“Sąjūdis”) and the “Polish issue” in Lithuania: the intrinsic situation and the interventions of outside in the end of 1980-ies – beginning of the 1990-ies. The so called “Polish issue” in Lithuania – both in its full historical dimension and in the special acute meaning that appeared in the end of 1980-ies – since a long time finds itself in the field of the scientific and civil attention. Our paper is an attempt to lead this issue out of the borders of only Lithuanian-Polish controversial discourse and to consider it in the context of all the dramatic history of the national movements in the period of the Soviet Union’s disintegration, in the system of political provocations which the communist regime, doomed already to its downfall, tried to use for repression against its contestants.

KEY WORDS: Lithuanian national movement, “Sąjūdis”, “Polish issue” in Lithuania, Lithuanian history of the end of 1980-ies – beginning of the 1990-ies, Lithuanian – Polish relations.

ANOTACIJA

Straipsnyje pateikiami nauji istorinių tyrimų duomenys apie tautinio atgimimo Sąjūdžio ir lenkų tautinės mažumos Lietuvoje santykių problemas XX a. 8-ojo dešimtmečio pabaigoje – 9-ojo dešimtmečio pradžioje. Vadinamoji „lenkų problema“ Lietuvoje su visu istoriniu jos kontekstu Vilniaus krašte buvo pradėta naujai eskaluoti XX a. 8-ojo dešimtmečio pabaigoje, nors ji jau seniai buvo tiek Lietuvos visuomenės, tiek ir mokslininkų akiratyje. Straipsnio tikslas – perkelti diskusijas šios problemos klausimu per Lietuvos ir Lenkijos valstybių sienas. Šios problemos svarstymas yra vaisingesnis ir objektyvesnis, neatsiejant jo nuo sudėtingų ir dramatiškų visų tautinių judėjimų istorinio konteksto, tuo metu prasidėjusio viso Sovietų Sąjungos irimo procese. Reikia neužmiršti šio grūvančio režimo politinių siekių supriešinti tautinio atgimimo judėjimus, kliudyti jų tarpusavio supratimui bei bendradarbiavimui.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Lietuvos tautinis atgimimas, „Sąjūdis“, lenkų tautinės mažumos problemos Lietuvoje, XX a. 8-ojo dešimtmečio pabaigos – 9-ojo dešimtmečio pradžios Lietuvos istorija, Lietuvos ir Lenkijos santykiai.

*Prof. Dr. Habil. Swietlana Czerwonnaja, Nicolaus Copernicus University in Toruń
Faculty of History, Institute of Archaeology and Ethnology, Department of Ethnology
Szosa Bydgoska 44/48, PL-87100 Toruń, Poland
E-mail: swetlana@his.uni.torun.pl*

Далеко непростой и неоднозначной представляется история государственных польско-литовских отношений в этот период, в целом, и позиция Польши по всему спектру „польских проблем“ в Литве и национальной политики Саюдиса (*Sąjūdis*), а с 1990 года – независимого Литовского государства, в частности. И все же принципиальное отличие новой ситуации от той, которая сложилась в 1920-30-х годах, – когда конфликт между этими странами не был исчерпан и вплоть до 1938 года даже не существовало дипломатических отношений, а национальные меньшинства с обеих сторон оставались заложниками вражды между государствами, – заключается в последовательном стремлении и Литвы, и Польши задействовать позитивный потенциал дипломатии и решить все проблемы, касающиеся национальных меньшинств, в рамках дружеских и добрососедских отношений между государствами.

Первая робкая инициатива демократической общественности Литвы установить (возродить на новых началах) связи с Польшей, уже втянутой в процесс перемен, означающих крах коммунистического режима, относится к 1989 году. В апреле появилась информация о заседании инициативной группы, собирающейся создать „Культурно-научно-политическую ассоциацию Литвы и Польши“ (*Towarzystwo...* 1989:3). Эту группу возглавлял ответственный секретарь Совета Сейма Саюдиса Виргилиус Чепайтис (*Virgilijus Čepaitis*). Инициатива создания такой организации исходила из Польши, где незадолго до этого возник в Варшаве Общепольский клуб друзей и поклонников Литвы (*Ogólnopolski Klub Miłośników Litwy*) под председательством Леона Бродовского (*Leon Brodowski*). Варшавский клуб хотел иметь в Польше партнера „для работы во имя взаимопонимания между обоими народами“ (*Rolska* 1989:3). 17 ноября 1989 года в театре Вильнюсского университета состоялось организационное собрание организации, которая приняла наименование „Общество Литва – Польша“ (*Towarzystwo „Litwa – Polska“*).

Александр Сребраковский (*Aleksander Srebrakowski*) подчеркивает в своей книге, что цели этого Общества были весьма высокими. Он пишет:

В ситуации, когда на волне национального возрождения в Литве обострились межэтнические конфликты, было выражено желание соорудить мост дружбы и взаимопонимания между Литвой и Польшей. Лучшим способом достижения этой цели было признано углубление знаний друг о друге, а также установление индивидуальных контактов между представителями обоих народов. (...) Все это должно было осуществляться при помощи культурного и научного обмена. Предполагалась также совместная деятельность во имя развития Вильнюсского края, его интеграции в остальную часть Литовской республики, во имя поддержки польского национального возрождения в Литве (*Srebrakowski* 2001:303).

В момент создания Общество „Литва – Польша“ насчитывало 70 членов, четверть которых составляли поляки. Председателем Общества был выбран литовец Виргилиус Чепайтис.

Сребраковский добавляет:

К сожалению, дело остановилось на мертвой точке. Собственно, кроме первоначального, шумного анонса о появлении этой организации, дальше ничего не последовало, вокруг нее воцарилась тишина. Активная деятельность осталась только в сфере намерений и планов (*Srebrakowski* 2001:304).

Однако, и этот робкий шаг принципиально был очень важной попыткой встречного движения между демократической общественностью Литвы и Польши. Журнал „Литуания“ (*„Lithuania“*), который издавался Общепольским клубом друзей и поклонников Литвы в Варшаве (*Ogólnopolski Klub Miłośników Litwy w Warszawie*) получил (в том числе и при помощи активистов Общества „Литва – Польша“) довольно широкое распространение в Литве, давая возможность и польским, и литовским читателям услышать голос тех, кто стремился к их сближению и взаимному доверию.

Демократическое правительство Польши с момента его создания в 1989 году неоднократно и однозначно выражало свою поддержку борьбе литовского народа за независимость.

27–28 декабря 1989 года в Варшаве в здании Сейма состоялась встреча делегации Саюдиса под руководством В. Ландсбергиса (*Vytautas Landsbergis*) и Гражданского парламентского клуба Польши под руководством Б. Геремека (*Bronisław Geremek*). Обсуждались проблемы и разрабатывались перспективы польско – литовского сотрудничества в экономической, культурной и других сферах. Было уделено особое внимание условиям жизни поляков в Литве и литовцев в Польше, признано необходимым содействие их национальным движениям, развитию их национальных культур.

12 марта 1990 года, на следующий день после провозглашения Акта о независимости Литвы, Правительство Польши выступило со следующим официальным заявлением:

Правительство ПР ознакомилось с тем фактом, что Верховный Совет Литвы принял „Декларацию о восстановлении Литовского государства“, а также другие юридические акты, касающиеся литовской государственности.

Правительство ПР поддерживает самоопределение народов, включая самоопределение, обеспечивающее достижение собственной государственности. Поляки заинтересованы в добрых отношениях с литовским народом, так же, как со всеми другими соседями. Правительство ПР считает, что интересы народов центральной и восточной Европы требуют того, чтобы все изменения, вытекающие из правомерных национальных стремлений, осуществлялись мирным путем с уважением к стабильности нашей части континента.

Правительство ПР выражает надежду и убежденность в том, что Литва и СССР найдут взаимоприемлемое решение своих проблем на тех принципах, которые сформулированы выше.

Приводим далее текст польского оригинала, с которым считаем нужным сопоставить наш авторский перевод. Поскольку это заявление никогда не публиковалось в русской печати, никаким официальным переводом мы не располагаем:

Rząd RP zapoznał się z faktem, że Rada Najwyższa Litwy uchwaliła "Deklarację o przywróceniu Państwa Litewskiego" oraz inne akty prawne dotyczące państwowości litewskiej.

Rząd RP popiera samostanowienie narodów łącznie z samostanowieniem prowadzącym do uzyskania odrębnej państwowości. Polakom zależy na dobrych stosunkach z narodem litewskim, podobne jak ze wszystkimi innymi sąsiadami. Rząd RP uważa, że interes narodów Europy środkowo – wschodniej wymaga, aby wszelkie zmiany, uwzględniające słuszne aspiracje narodowe, dokonywały się na drodze pokojowej z poszanowaniem stabilności naszej części kontynentu.

Rząd RP wyraża nadzieję i przekonanie, że Litwa i ZSRR rozwiążą wzajemne problemy respektując powyższe zasady (Dokument MSZ 1991:15).

Как видим, это „Заявление“ было выдержано в осторожной, взвешенной форме, что было вызвано стремлением не нарушить нормы международного права и, конечно, не поставить Польшу под удар со стороны советской дипломатии и советской державы. Однако, уже сама по себе формулировка „Литва и СССР“, содержащаяся в тексте этого заявления, косвенно свидетельствовала о готовности Польского Правительства признать Литву как субъект международного права на равных началах с СССР. Разумеется, это было очень важной моральной поддержкой для независимой Литвы, но еще не официальным признанием ее со стороны Польши.

Следующие шаги в усилении этой поддержки предпринял Сенат Речи Посполитой. 16 марта 1990 года он принял постановление, касающееся Литвы, в котором говорилось:

Отвечая на Обращение Парламента Литвы к народам мира, в котором заявлено о продолжении существования и независимости Литовского государства, о его возвращении в семью свободных стран, Сенат Речи Посполитой с радостью приветствует большие перемены в жизни этого братского нам народа. Свобода и независимость являются основными ценностями, за которые на протяжении жизни целых поколений боролись наши народы. Мы верим, что свободная Литва сможет успешно развиваться и жить в мире и дружбе со всеми своими соседями.

(Odpowiadając na Odezwę Parlamentu Litwy do narodów świata proklamującą ciągłość i niepodległość państwa litewskiego i jego powrót do rodziny wolnych krajów – Senat Rzeczypospolitej Polskiej wita z radością wielką przemianę w życiu tego bratniego nam kraju. Wolność i niepodległość są podstawowymi wartościami, o które przez całe pokolenia walczyły nasze narody. Wierzimy, że wolna Litwa będzie się mogła pomyślnie rozwijać i żyć w pokoju i przyjaźni ze swymi wszystkimi sąsiadami) (Dokument MSZ 1991:15).

Еще более определенно поддержка процессу возрождения независимой Литвы выражена в следующем, принятом спустя несколько дней постановлении Сената Польши (от 22 марта 1990 года), в котором впервые затрагивается вопрос о роли поляков Литвы, призванных к участию в этом процессе, и подчеркивается принцип нерушимости послевоенных границ, что для Литвы в данном случае является важнейшей гарантией того, что со стороны Польши не последует никаких претензий на Вильнюсский край.

Текст этого постановления гласит:

Мы приветствуем возвращение литовского народа в семью свободных наций с тем большей радостью, поскольку знаем многовековые узы, связывающие наши народы, освободившиеся от тоталитаризма, и понимаем, что только свободные народы будут в состоянии построить свои отношения на основах подлинного братства, добрососедства и партнерства.

Мы выражаем убеждение в том, что границы, установленные после Второй мировой войны являются прочной основой европейского мира и безопасности, что справедливые и обоснованные стремления Литвы найдут понимание и уважение, а процесс восстановления государственной независимости Литвы будет протекать мирно и быстро.

В этом процессе наверняка примут активное участие поляки, проживающие в Литве.

(Witamy powrót narodu litewskiego do rodziny wolnych narodów z radością tym większą, że jesteście świadomi zarówno wielowiekowych więzów łączące nasze wyzwalające się z totalitaryzmu narody, jak też i tego, że tylko narody wolne będą w stanie ułożyć swe stosunki na zasadzie autentycznego braterstwa, dobrego sąsiedztwa i partnerstwa.

Wyrażamy przekonanie, że granice ukształtowane po II wojnie światowej są trwałym elementem europejskiego porządku i bezpieczeństwa, słuszne aspiracje Litwy zostaną uszanowane, a proces odbudowy niezależnej państwowości Litwy będzie przebiegał pokojowo i szybko.

W tym procesie z pewnością nie zabraknie udziału mieszkających na Litwie Polaków) (Dokument MSZ 1991:15).

27 марта 1990 года по приглашению Президиума Верховного Совета Литвы в Вильнюс прибыла делегация Гражданского парламентского клуба Польского Сейма и Сената во главе с Брониславом Геремеком. В переговорах с руководством литовского парламента, правительства и Саюдиса польская делегация еще раз подчеркнула, что рассматривает существующие границы между Польшей и Литвой как установленные окончательно и не подлежащие пересмотру. Польские парламентарии выразили надежду, что процесс обретения Литвой полной независимости будет проходить на основе мирного диалога и ни одна из сторон не прибегнет к применению силы. В переговорах были затронуты проблемы

национальных меньшинств – польского в Литве и литовского в Польше – и выражено намерение показать пример справедливого и демократического решения их проблем обеими, освободившимися от тоталитарного режима странами. При этом речь шла не только о сохранении представителями этих меньшинств культурной и языковой идентичности, но и о том, что:

... установление подлинного территориального самоуправления позволит национальным меньшинствам оказывать влияние на местные процессы.

(wprowadzenie autentycznego samorządu terytorialnego umożliwi mniejszościom narodowym uzyskanie wpływu na bieg spraw lokalnych). (Dokument MSZ 1991:15).

Надо отметить, что речь при этом не шла о национально-территориальной автономии, а уж тем более о "советской автономии" Вильнюсского края, – подчеркивалась лишь важность принципов местного самоуправления.

В критической январской ситуации 1991 года, когда над провозгласившей свою независимость Литвой нависла угроза советской агрессии, Польша предпринимает усилия по оказанию литовцам моральной, политической поддержки и материальной помощи.

Официальное возобновление дипломатических отношений между Литвой и Польшей (уже независимой Литвой и новой Речью Посполитой) происходит 5 сентября 1991 года – на один день раньше, чем подписание протокола о признании независимой Литвы Российской Федерацией (6 сентября 1991 года).

Самым трудным в отношениях между Литвой и Польшей вопросом был весь узел проблем, связанных с историческим прошлым Вильнюсского края и с нынешним положением польского населения в Литве.

Характерно, что в прошлом власти Польской Народной Республики, не желая осложнять своих отношений с Советским Союзом, никогда не поднимали на официальном уровне никаких вопросов, касающихся положения польского меньшинства в СССР, в целом, и в советской Литве, в частности.

Первой акцией официального вторжения Польши в вопросы, касающиеся положения поляков в Литве, можно считать Меморандум министерства иностранных дел Речи Посполитой от 26 ноября 1990 года. В нем отмечалось, что:

... условия, в которых в границах Литовской республики проживает польское общество попрежнему не в полной мере соответствуют принятым международным нормам и рекомендациям ОБСЕ.

(... warunki, w jakich żyje w granicach republiki Litewskiej społeczność polska nadal nie są w pełni zgodne z przyjętymi normami międzynarodowymi, w tym zasadami wypracowanymi przez Konferencję Bezpieczeństwa i Współpracy w Europie) (Aide Memoire... 1991:17)¹.

¹ Мемориал первоначально имел характер "закрытого" документа, не предназначенного для печати. Однако, он попал в руки журналистов, и в январе 1991 года был опубликован в 27-м номере газеты "Знад Вилии". Затем его перепечатала варшавская "Литуания" вместе с интервью с Министром иностранных дел Польши Кшыштофом Скубишевским (*Krzysztof Skubiszewski*), который подчеркнул (в январе 1991 года): "*Memoriał MSZ pozostaje aktualny*" (Aide Memoire... 1991:14).

Основные проблемы польского меньшинства, изложенные в Меморандуме, касались следующих вопросов, сгруппированных в 12 отдельных параграфов:

- Употребление польского языка в государственных органах власти и органах самоуправления:

Фактором высочайшего значения является официальный статус польского языка на территориях, где проживают компактные группы польского населения. Поляки ожидают придания польскому языку официального статуса в территориальном самоуправлении и местных государственных органах [...] Этот принцип должен касаться также администрации самоуправления и городской администрации Вильнюса. Разумеется, польский язык должен быть вторым официальным языком, то есть выступать не вместо литовского, а наряду с ним.

(Czynnikiem najwyższej wagi jest oficjalny status języka polskiego na obszarach zamieszkałych przez zwarte skupiska ludności polskiej. Polacy oczekują nadania językowi polskiemu rangi języka urzędowego w samorządzie terytorialnym i lokalnych organach państwowych [...] Zasada ta powinna dotyczyć również administracji samorządowej i miejskiej Wilna. Oczywiście, język polski powinien być drugim językiem urzędowym, czyli występować obok, a nie zamiast litewskiego) (Aide Memoire... 1991:14).

- Правописание польских имен и фамилий:

Поляки должны иметь гарантированное право писать свои имена и фамилии в соответствии с их оригинальным звучанием – при сохранении польского алфавита как в документах, удостоверяющих личность, так и в официальной переписке.

(Polacy winni mieć zagwarantowane prawo do zapisu ich imion i nazwisk w brzmieniu oryginalnym – z zachowaniem polskiego alfabetu zarówno w dokumentach osobistych, jak i w korespondencji urzędowej) (Aide Memoire... 1991:14).

- Польское гражданство:

Мы просим допустить и юридически признать возможность обладания двойным гражданством – то есть литовским и польским – для поляков, проживающих в Литве, а также права свободного выбора ими места проживания.

(Prosimy o tolerowanie i prawne uznanie możliwości posiadania podwójnego obywatelstwa – tj. litwskiego i polskiego – przez Polaków mieszkających na Litwie, a także prawa do swobodnego wyboru przez nich miejsca zamieszkania) (Aide Memoire... 1991:14).

- Свобода передвижения – право для поляков Литвы выезда в Польшу без специальных приглашений.
- Школьное дело и обучение на польском языке (право выпускников польских школ сдавать вступительные экзамены в вузы на польском языке).
- Свобода формирования и деятельности польских общественных и политических организаций, включая партии, если их деятельность не противоречит Конституции Литвы.
- Развитие польской культуры (включая использование бюджетных средств на развитие институтов польской культуры в Литве).
- Общественное и экономическое развитие; новое административное членение:

Поляки Литвы обеспокоены слухами о проектах и намерениях провести новые административные границы внутри Литвы. Они опасаются, что эти изменения имеют своей целью поглощение польского населения литовским окружением и лишение его шансов на достижение желанного самоуправления.

(Polacy na Litwie zaniepokojeni są pogłoskami o projektach przeprowadzenia nowych podziałów administracyjnych. Obawiają się, że zmiany mają na celu rozplynięcie się ludności polskiej wśród otoczenia litewskiego i odebranie jej szans na zaspokojenie aspiracji samorządowych) (Aide Memoire... 1991:14).

- Реституция польской собственности:

Поляки, постоянно проживающие в Литве, имеют право на возвращение им недвижимости и земель, отобранные сталинским режимом.

(Uważamy, że ludność polska stale mieszkająca na Litwie powinna mieć prawo do zwrotu nieruchomości i ziemi zagrabionych przez władze stalinowskie...) (Aide Memoire... 1991:14).

- Недопустимость уничтожения памятников польской культуры и истории:

Мы считаем недопустимым уничтожение таких свидетельств польского вклада в развитие цивилизации на землях Литвы, как произведения архитектуры, кладбища, памятники, мемориальные таблицы или скрывание (утаивание) их польского характера.

(Uważamy za niedopuszczalne niszczenie takich świadectw wkładu polskiego w rozwój cywilizacyjny ziem Litwy, jak dzieła architektury, cmentarze, pomniki, tablice pamiątkowe oraz zatajenie ich polskiego charakteru) (Aide Memoire... 1991:14).

- Дела католической церкви:

Просим, чтобы литовские власти поддержали польскую позицию в переговорах с иерархами Католической церкви в Литве в вопросе о проведении в Вильнюсском кафедральном соборе святой мессы и иных богослужение на польском языке [...] направления в приходы (парафии), в которых значительная часть верующих говорит по-польски, священников, хорошо знающих этот язык [...] введения факультативных занятий по польскому языку в Каунасской Духовной семинарии [...] а при невозможности полного обеспечения религиозных потребностей поляков – позволения на работу в Литве священнослужителей из Польши.

(Prosimy, by władze litewskie poparły stanowisko polskie w rozmowach z hierarchią Kościoła katolickiego na Litwie w sprawie prowadzenia w Katedrze Wileńskiej Mszy św. i innych nabożeństw w języku polskim [...], kierowania do parafii, w których znaczna część wiernych mówi po polsku, księży znających dobrze ten język [...], wprowadzenia fakultatywnej nauki języka polskiego w seminarium duchownym w Kownie [...], w razie niemożności pełnego zaspokojenia potrzeb duszopasterskich Polaków – pozwolenia na pracę księży z Polski) (Aide Memoire... 1991:14).

Как видим, интервенция Министерства иностранных дел Польши в дела, касающиеся положения польского меньшинства в Литве, была довольно энергичной и касалась даже моментов, которые обычно не входят в сферу официальной дипломатии (например, слухи о предполагаемом изменении внутренних административных границ). Многие фактические подробности, включенные в Меморандум, свидетельствовали о слишком детальной

осведомленности соседнего государства в делах, информацию о которых можно было получить только из рук заинтересованной стороны – от лидеров польских общественных организаций. Нетрудно предположить, что и некоторые требования были продиктованы не только основополагающими демократическими принципами польского государства и общими соображениями, связанными с европейскими нормами по правам человека и правам меньшинств, но интересами определенных польских политических кругов в Литве, стремящихся получить доступ к власти.

О польской национально-территориальной автономии в Литве в этом Меморандуме не было ни единого слова, однако, самоуправление на территориях, заселенных компактными группами польского населения, трактовалось настолько широко и в столь явно выраженной национальной парадигме (вплоть до требований придания здесь польскому языку официального статуса), что отсюда до национально-территориальной автономии было уже очень недалеко.

Ситуация изменилась в 1991 году. Провозглашение территориальной автономии, а в мае 1991 года фактического „выхода из состава Литвы“ „Края Виленьского“ не вызвало восторга в новой Польше, демократическое руководство которой вполне отдавало себе отчет в том, каким политическим силам нужна и выгодна такая автономия. Из Варшавы в тот период были явно слышны критические голоса.

Однако, новым испытаниям польско – литовское добрососедство подвергается в сентябре 1991 года, когда Сейм Литвы принял решительные меры по ликвидации польской территориальной автономии. Уже 10 сентября 1991 года Министр иностранных дел Польши Кшиштоф Скубишевский во время встречи с Министром иностранных дел Литвы Альгирдасом Саударгасом (*Algirdas Saudargas*) на конференции ОБСЕ по правам человека, проходившей в Москве, предупредил своего литовского коллегу, что польское правительство не останется пассивным перед лицом действий Вильнюса. Настоящая буря возмущения гремит в польской печати, которая обвиняет литовское руководство в попытке свалить коллективную ответственность за коммунистический путч на польское население республики. Кампания протеста поднимается на самый высокий уровень, и уже Президент Лех Валенса (*Lech Wałęsa*) в своем послании, адресованном Председателю Литовского Сейма Витаутасу Ландсбергису, сообщает о своей обеспокоенности „ухудшающимся положением поляков в Литовской республике“ (Butenschön 1992:352). В середине сентября в Вильнюсе и в Шальчининкай появляются листовки, изготовленные в типографиях Гданьска и Сопота и написанные от имени поляков Литвы – репатриантов 1945 года. В листовках содержатся призывы к „самообороне“, к гражданскому неповиновению литовским властям. Это переполняет чашу терпения даже депутатов польской фракции Литовского сейма, которые заявляют, что им такого рода помощь не нужна, что они не разделяют тревоги, выраженной в письме Президента Валенсы, и призывают своих соотечественников не поддаваться на провокации.

Руководству Литвы с большим трудом удается успокоить литовское общественное мнение, которое возмущено вмешательством польских политиков (едва только освободившаяся от московского диктата Литва проявляет особенную чувствительность к попыткам других государств диктовать ей свою волю). В своем ответе Президенту Валенсе и в своем докладе на заседании Литовского Сейма 25 сентября 1991 года (формально парламентская сессия и доклад посвящены вопросам внешней политики литовского государства, но

фактически его центральной темой становится „польский вопрос“) Витаутас Ландсбергис объясняет, что сентябрьские решения литовского парламента были направлены не против польского населения республики, а лишь против руководства местных советов, поддержавших путч. Он напоминает, что в Эстонии и Латвии точно так же были ликвидированы те местные советы (в районах с преобладающим русским населением в северо-восточной Эстонии, в Даугавпилсе), которые стали очагами политической реакции.

Ландсбергис говорит:

Мне что-то неизвестно о том, чтобы Россия против этого протестовала. Россия не протестует потому, что понимает, что эти решения имели политический, а не национальный характер. Однако, в Польше определенным кругам, видимо, выгодно сделать из этой политической проблемы проблему национальную. Мы же, со своей стороны, не отождествляем людей, которые боролись против независимости Литвы ни с поляками в Польше, ни с представителями польского меньшинства в Литве (Butenschön 1992:352).

Здравый смысл в польско – литовских отношениях постепенно побеждает, и 13 января 1992 года дело доходит до подписания главами двух государств Декларации о добрососедских отношениях и сотрудничестве между Литовской республикой и Польской Речью Посполитой.

Однако, еще раз заострить „польский вопрос“ в Литве заинтересованным в этом политическим силам позволила ситуация, сложившаяся на рубеже 1993-1994 гг. в связи с подготовкой к заключению польско – литовского межгосударственного договора. Первыми активизировались радикалы по ту сторону границы – в Польше. Надо признать, что почва для такой активизации была во многом подготовлена систематическими публикациями в польской прессе начала 1990-х годов, в которых вспоминались старые обиды, исторические конфликты, подчеркивалась вина литовцев перед поляками в период Второй мировой войны. Редкие, немногие из этих публикаций были проникнуты поисками согласия, примирения, понимания общей трагедии двух народов, оказавшихся между советским и нацистским режимами, как между молотом и наковальней². Чаще, даже в серьезной исторической литературе, появлялись работы, проникнутые негодованием, содержащие жесткие упреки в адрес литовцев – упреки, отнюдь не голословные, однако, абсолютно не учитывающие ни диалектической сложности той обстановки, в которой (в предвоенные и военные годы) проявлялся по отношению к полякам „литовский национализм“, ни абсолютной несвоевременности таких публикаций в новых, современных обстоятельствах, когда нужно было не сводить старые счеты, а искать пути сотрудничества обеих освободившихся от коммунистической диктатуры стран³.

Группа депутатов польского Сейма направила руководству своей страны письмо, в котором излагала свою точку зрения на то, при каких условиях Польша может пойти на подписание такого договора. Депутаты требовали культурной автономии для поляков, проживающих в Вильнюсском и Шальчининском районах, проведения приватизации земель в Литве с учетом интересов бывших польских землевладельцев, а также возвращения

² См., например: Hołub 1992.

³ Среди содержащих особенно резкие антилитовские выпады публикаций - такие труды польских историков, как Kosman 1992; Likwidacja Uniwersytetu... 1991; Nowicka 2000; Bogusławski 2004. Как видим, периодом начала 1990-х годов эта историографическая традиция не ограничивается, она имеет продолжение и в XXI-ом веке.

польским общественным организациям имущества, которое было национализировано литовским правительством в 1939-1940 гг. – после возвращения Вильнюсского края Литве. Руководство польского движения в Литве воспользовалось этим для активизации выступлений в республике. 11 января 1994 г. в Вильнюсе был организован пикет у здания литовского сейма гражданами польской национальности, которые держали транспаранты с надписями на польском языке „Верните наши земли!“.

Итак, в польско – литовский конфликт усиленно внедрялся фактор материальной, экономической заинтересованности. Прежние, действовавшие еще в коммунистическом пространстве Советского Союза и курсировавшие тогда между Москвой и Вильнюсом идеологи „польской проблемы“, ловко играя на национальных чувствах поляков, рожденных подлинными или вымышленными обидами, и расширяя реестр подобных обид, все же не решались затронуть вопрос о землях, хотя бы потому, что ни о каком возвращении „колхозно-совхозных“ земель в частную собственность, неважно, польских или литовских землевладельцев не хотели и слышать, да и все акции по национализации любых особняков, дворцов и иного недвижимого имущества, принадлежавшего в Вильнюсском крае до 1939 года частным лицам или организациям „буржуазной“ Польши, должны были только поддерживать, как и сам факт „освобождения“ Вильнюса „доблестной Красной Армией“, вернувшей древнюю столицу Литве. Надо признать, что все аргументы, которыми пользовались коммунистические идеологи, заинтересованные в выступлениях польского населения Литвы против Саюдиса в конце 1980-х годов, по своей эффективности не обладали и сотой долей той силы, которую польско – литовским противоречиям может придать спор о собственности, спор о земле.

В историю дипломатии 1990-х годов войдет немало интересных фактов и эпизодов, свидетельствующих о том, как последовательно уклонялась официальная Польша от втягивания ее в антилитовскую политику, от вмешательства во внутренние дела Литвы под предлогом защиты „польскоязычного“ населения. Лидеры крайних флангов польского движения в Литве напрасно рассчитывали на поддержку их акций и выступлений со стороны польского государства или польской дипломатии. Любопытный эпизод произошел в апреле 1994 года, когда председатель Союза поляков Литвы Ришард Мацейкянец (*Ryszard Maciejkianiec*) распространил заявление, обвинявшее посольство Польши в Литве в игнорировании интересов местных поляков. Посол Ян Видацкий (*Jan Widacki*) в ответе на это обвинение, составленном в тоне снисходительного превосходства, заявил, что Венская конвенция 1961 года не вменяет в обязанности посольств организационную и финансовую поддержку национальных меньшинств, но господин Мацейкянец мог этого не знать,

... поскольку он выпускник Ленинградской высшей партийной школы, а там таких вещей не изучали" (Экспресс-хроника... 1994:3).

Осведомленность посла о партийном прошлом лидера Союза поляков Литвы и та тональность, в которой этот факт оглашается, не оставляет сомнения в том, что польская дипломатия отлично разбиралась в том, „кто есть кто“ в рядах польского национального движения в Литве и никак не желала сотрудничать с теми кругами этого движения, которые формировались в коммунистической России.

Разумеется, это вовсе не означает полного безразличия польского государства к „польскому вопросу“ в Литве. Отметая все виды коммунистических провокаций и попытки

втянуть Польшу в антилитовскую политику, новое польское руководство с большим вниманием относилось ко всему, что составляет сферу действительных (не вымышленных искусственно, не спровоцированных) интересов, проблем, обид поляков в Литве. Это явно выявилось на встрече Президента Польши Леха Валенсы с представителями польской общины Литвы – на встрече, на которую Валенса пошел незамедлительно после его прибытия 26 апреля 1994 года с официальным визитом в Литву – на второй день этого визита.

Польская официальная делегация для консультаций по статьям готовящегося польско – литовского договора в составе госсекретаря канцелярии Президента Польши Анджея Закшевского (*Andrzej Zakszewski*), заместителя министра иностранных дел Иво Бычевского (*Iwo Byczewski*) и заместителя директора европейского департамента МИД посетила Литву в начале февраля 1994 года. 23 февраля ответный визит в Варшаву совершил заместитель министра иностранных дел Литвы Владислав Домаркас (*Vladislovas Domarkas*).

Надо сказать, что путь к польско – литовскому договору был долгим и трудным, в обход массы подводных рифов и камней. Подготовительная работа продолжалась более полутора лет и требовала порою подлинной дипломатической эквилибристики. Уже на заключительном этапе подготовки договора, когда его проект был согласован между обеими сторонами, 1 марта 1994 года Хартия граждан Литвы распространила заявление, в котором обвиняла правительство Литвы в уступках польской стороне, в недостаточной заботе о национальных интересах, в частности, в том, что из проекта договора исключено упоминание об оккупации Польшей Вильнюсского края. 14 марта специально созданный Общественный комитет по подготовке литовско – польского договора пикетировал здание МИД Литвы, требуя, чтобы в договор была включена правовая оценка событий 1918-1920 гг., чтобы Польша признала незаконной бывшую оккупацию Вильнюсского края и таким образом официально декларировала его принадлежность Литве. Активисты литовского движения выступали с инициативами по созданию памятников „жертвам польского террора“ и даже провели публичный суд над Армией Крайовой (подобный организованному в довоенной Литве публичному суду над Великим литовским князем Ягеллой, ставшим польским королем), при этом Армия Крайова была признана общественными обвинителями и судьями преступной организацией, причастной к геноциду литовского народа.

Между тем, противники подписания польско – литовского договора нашлись и в Польше. В марте 1994 года и литовская (в частности, очень активная группа депутатов Каунасского округа), и польская оппозиция требовали от своих правительств опубликования текста польско – литовского договора до его подписания (что противоречило международным правовым нормам и должно было обернуться срывом этого договора). МИДу Литвы стоило немало усилий обосновать свою политику и отвергнуть требования радикальной оппозиции. Министр иностранных дел Литвы Повилас Гилис (*Povilas Gylys*) на своей пресс-конференции 14 марта (накануне решающей встречи министров иностранных дел Литвы и Польши в Варшаве) особо подчеркивал, что „построив отношения с соседями на обидах, Литва станет зоной постоянного напряжения“, что следует не концентрировать внимание на исторических коллизиях давнего прошлого, а искать конструктивные формы сотрудничества с современной Польшей. Только 18 марта 1994 года двусторонний межгосударственный договор о дружбе и сотрудничестве был парафирован министрами иностранных дел Литвы и Польши в Варшаве. Он исключал проблемы и коллизии давнего прошлого из сферы современных межгосударственных отношений, оставляя эти проблемы как предмет изуче-

ния историкам. Договор подтверждал взаимное отсутствие территориальных претензий друг к другу между Литвой и Польшей и требование, чтобы граждане любой национальности, в том числе представители польского меньшинства в Литве и литовского – в Польше, соблюдали законы тех государств, на территории которых они проживают. Были предусмотрены специальные меры по обеспечению прав, защите культурной и этнической идентичности, обеспечению контактов с соотечественниками за рубежом, использованию родного языка поляков Литвы и литовцев Польши. Разумеется, это не устраивало тех, кто с одной стороны требовал отнюдь не только культурной, но территориальной польской автономии внутри Литвы и вынашивал тайные и заветные планы на "отделение" польских территорий от Литовского государства, а также тех, кто с другой стороны не хотел и слышать ни о каких правах польской национальной группы в Литве, настаивал на унижительной процедуре признания Польшей своей исторической вины и имел если не явные, то скрытые намерения присоединения к Литве польских территорий с преобладающим там литовским населением.

Польско – литовский Договор о дружбе и добрососедском сотрудничестве (*Polsko – litewski „Traktat o przyjaznych stosunkach i dobrosąsiedzkiej współpracy”*) был подписан президентами двух стран в Вильнюсе 26 апреля 1994 года. "Этим шагом мы заложили прочную основу для дальнейшего сотрудничества и расширили свою дорогу в Европу", – заявил после подписания договора Президент Литвы Альгирдас Бразаускас (*Algirdas Brazauskas*).

17 июня 1994 года открылось Консульство Литвы в Сейнай (*w Sejnach*) – центре восточного региона Польши с преобладающим там литовским населением. 25 июля 1996 года Литовское правительство утвердило Программу социального развития Восточной Литвы, включающую в себя целый ряд мер, обеспечивающих гражданские права, интенсивное культурное развитие и повышение уровня жизни польского населения этого региона (хотя формально Программа не выделяла польское меньшинство, она была направлена на развитие региона в целом и защиту интересов всех его жителей).

18-20 июня 1997 года состоялся официальный визит Президента Литвы Альгирдаса Бразаускаса (избранного Сеймом Литвы 14 февраля 1993 года) в Польшу.

Выход польско – литовских дружественных и добрососедских отношений на новый уровень более тесного и постоянного взаимодействия ознаменовало создание Польско – Литовского парламентарного собрания (*Polsko – Litewskiego Zgromadzenia Parlamentarnego*), учредительная сессия которого состоялась в Вильнюсе 2 июля 1997 года.

Вторая сессия Польско – Литовского парламентарного собрания проходила в Варшаве в январе 1998 года и была посвящена, главным образом, задачам практического осуществления Польско – Литовского договора „О дружбе и добрососедском сотрудничестве“.

Третья сессия (1998) проходила в Литве. Главное внимание парламентариев было сосредоточено на проблемах национальных меньшинств. На второй день работы сессии состоялся коллективный выезд всего собрания из Вильнюса в Шальчининкай (*Šalčininkai*, pol. – *Soleczniki*). На состоявшемся здесь выездном заседании Польско – Литовского собрания имели возможность выступить представители польского населения этого региона. В своих выступлениях они подчеркивали значение дальнейшего развития польско – литовских экономических связей, выражали надежды на более тесное сотрудничество в рамках европейского региона „Неман“, в который войдут пограничные районы Литвы и Польши. Вопросы о польской территориальной автономии в Литве никто не поднимал.

Развитие польско – литовских культурных связей нашло выражение в целом ряде символических по своему значению событий, цепь которых растянулась на все последнее десятилетие 20 века. Среди них – восстановление в июне 1989 года в Вильнюсе „Трех крестов“ польского скульптора Антония Вивульского (памятник был взорван в 1950 году); гастроли Вильнюсского драматического театра в Варшаве в июне 1990 года, на которых был представлен спектакль „Дзяды“ („*Dziady*“) А. Мицкевича (*Adam Mickiewicz*) в режиссерской экспликации Йонаса Вайткуса (*Jonas Vaitkus*); традиционные встречи и демонстрации (первая официально проведенная акция 12 мая 1992 года) у надгробия, где захоронено сердце Пилсудского (*Pilsudski*), в Вильнюсе на кладбище Расу (*Rasu*, pol. – *Rossa*); выставка „Адам Мицкевич и Литва“ („*Adam Mickiewicz i Litwa*“, декабрь 1998 года) в библиотеке Вильнюсского университета; визит в Литву 1 марта 1999 года известного польского режиссера Кшистофа Занусси в связи с презентацией его фильма „Брат нашего Бога“ („*Brat naszego Boga*“); демонстрация в Литве в 1999 году картины Яна Матейки (*Jan Matejko*) „Битва под Грюнвальдом“ (за шесть месяцев выставку посетило более 170 тысяч человек), открытие памятника над могилой Антония Вивульского (*Anton Vivulski*) – известного вильнюсского архитектора, скульптора и деятеля культуры (1877-1919) на кладбище Расу (14 октября 1999 года).

В мае 2004 года Польша и Литва одновременно (наряду с 11-ю другими государствами Восточной Европы) стали полноправными членами Европейского Союза.

References

- Aide Memoire w sprawie potrzeb mniejszości polskiej w Republice Litewskiej. In *Lithuania*, 1991, no. 1, s. 17.
 BOGUSŁAWSKI, Andrzej. *W znak Pogoni. Internowanie Polaków na Litwie. IX 1939 - VII. 1940*. Toruń, 2004.
 BUTENSCHÖN, Marianna. *Estland, Lettland, Litauen. Das Baltikum auf dem langen Weg in die Freiheit*. München-Zürich, 1992.
 Dokument MSZ 1991. Informacja w sprawie wystąpień przedstawicieli naczelnych władz i organów państwowych RP w sprawie Litwy. In *Lithuania*, 1991, no. 1, s. 15.
 HOŁUB, B. *Przy wileńskim stole*. Warszawa, 1992.
 KOSMAN, M. *Orzeł i Pogoń. Z dziejów polsko-litewskich XIV-XX w.* Warszawa, 1992.
Likwidacja Uniwersytetu Stefana Batorego przez władze litewskie w grudniu 1939 roku. Dokumenty i materiały. Zebrał i wstępem opatrzył Piotr ŁOSSOWSKI. Warszawa, 1991.
 NOWICKA, Ewa. *Polacy czy cudzoziemcy? Polacy za wschodnią granicą*. Kraków, 2000.
 ROLSKA, A. Kto wyburzy mur? Na marginesie założycielskiego zebrania Towarzystwa Litwa-Polska. *Czerwony Sztandar*, 1989, no. 271, s. 3.
 SREBRAKOWSKI, Aleksander. *Polacy w Liteskiej SRR 1944-1989*. Toruń, 2001.
 Towarzystwo Litwa-Polska: cele i zadania. *Czerwony Sztandar*, 1989, no. 265, s. 3.
Экспресс-хроника. 1994. 22 апреля.

THE LITHUANIAN NATIONAL MOVEMENT (“SAJŪDIS”) AND THE “POLISH ISSUE” IN LITHUANIA: THE INTRINSIC SITUATION AND THE INTERVENTIONS OF OUTSIDE IN THE END OF 1980 – BEGINNING OF THE 1990

Swietłana Czerwonaja

Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland

Summary

The so called “Polish issue” in Lithuania – both in its full historical dimension and in the special acute meaning that appeared in the end of 1980-ies – since a long time finds itself in the field of the scientific and civil attention. Our paper is an attempt to lead this issue out of the borders of only

Lithuanian-Polish controversial discourse and to consider it in the context of all the dramatic history of the national movements in the period of the Soviet Union's disintegration, in the system of political provocations which the communist regime, doomed already to its downfall, tried to use for repression against its contestants.

The Polish "Soviet Autonomy" on the Lithuania territory project has been worked out in 1988-89 in the cabinets of the USSR Communist Party Central Committee and in the KGB structures as a base (bridge-head) for the offensive against the *Sajūdis* being at the head of the mass movement for the Lithuania Independence. In the wide network of the communist plots and provocations this base should play the same role of a reactionary mutinous Vandee, which was predestined for Southern Ossetia and for Abkhazia in the fight against Independent Georgia, for the Dniestrian-Republic in the fight against Moldavia or for the "Russian Crimea" that served a purpose of blackmail against Ukraine.

None of those provocations was realized on an intractable soil, without opportune conditions, and the Kremlin strategists tried to use the real Polish-Lithuanian contradictions: the old complexes of not-forgotten wrongs and harms, "pain points" of the historical memory of both peoples and first of all the unfortunate in the reality, in all social, cultural, economic parameters situation of the Polish minority and its defenceless, unprotected state in the Soviet Union as a whole and in the Soviet Lithuania in particular.

It was the communist regime who was responsible for the tragic fate of Poles in the Soviet Union and for the economic and cultural devastation of the Polish lands, annexed by the Soviets in the permanent expansion's continuation, and who wanted to throw the responsibility on the Lithuanian people and on its most progressive national force of this time – *Sajūdis*. The Moscow used all errors and mistakes of the Lithuanian national movement for kindling of the Polish-Lithuanian conflict and for *Sajūdis* suppression under the pretext of Polish minority defence. But the exceptionality of the modern Lithuania's history consisted in the possibility to avoid conflict sharpening. There were no wars here after the Abkhazian or Dniestrian scenario. Side by side with many external factors, it was the politics of *Sajūdis*, that became the main cause for the liquidation of tenseness, - the politics, which was soon and essentially transformed in direction of tolerance and looking for the open dialog with the Polish minority and with the Polish state, protecting its compatriots. This positive experience, very rare in the ex-soviet context, deserves our attention and deep studies.

Gauta 2006 m. lapkričio mėn.